

Фан Цинчи слегка кивнул, затем взлетел вверх, коснувшись носком стены, и снова поднялся в воздух. Его движения были грациозны, как у парящей птицы. Вскоре его фигура скрылась в кроне дерева, а затем он мягко опустился на землю, как лёгкий дым, демонстрируя невероятное мастерство.

Миньюэ и Гу Шаобай захлопали в ладоши, причём Миньюэ кричал особенно громко. Гу Шаобай повернулся и пнул его ногой.

— Иди завари чай, зачем ты тут шумишь? — Ты хлопаешь громче меня и кричишь ещё громче!

Гу Шаобай взял Фан Цинчи за руку, убедившись, что он нашёл настоящую жемчужину.

— Цинчи, из какого ты клана или школы? Как называется твоё искусство лёгкого шага? Какое место ты занимаешь в мире боевых искусств? На каком ты месте? — Гу Шаобай засыпал его вопросами.

Фан Цинчи слегка нахмурился.

— Шаобай, прости, но я не могу раскрывать свою школу.

— О, — подумал Гу Шаобай. — Конечно, рассказчики часто говорят, что в мире боевых искусств много секретов, и из-за них люди могут лишиться жизни. Ладно, если не хочешь говорить, то и не надо. Чем больше знаешь, тем скорее умрёшь!

Увидев разочарование на лице Гу Шаобая, Фан Цинчи почувствовал себя неловко и добавил:

— Но мои навыки довольно хороши, обычные люди мне не страшны.

Гу Шаобай знал, что Фан Цинчи скромен. Если он так говорит, значит, он действительно силён! Только вот неизвестно, кто сильнее — он или Му Цинфэн!

В народе ходили слухи, что мастерство Му Цинфэна непостижимо, но никто никогда не видел его в действии! В прошлой жизни Гу Шаобай был одурачен им, считая его просто богатым молодым человеком с юга. Только в конце он узнал его истинную сущность. Но так и не понял, насколько силён его стиль боя!

В углу глаза Гу Шаобая мелькнул красный свет, и его взгляд привлёк меч в руке Фан Цинчи. Длина меча была около трёх футов, и на первый взгляд он казался ничем не примечательным. Единственное, что выделялось, — это красный камень, вставленный в ножны из белой акульской кожи.

Семья Гу три поколения занималась торговлей, и в Чжанчэне они были богаты, как Тао Чжу. Гу Шаобай видел много драгоценных камней и нефрита, хотя и не был экспертом, но качество этого красного камня явно оставляло желать лучшего.

Он провёл пальцем по поверхности камня и с удивлением спросил:

— Цинчи, зачем здесь вставлен этот камень? И, если честно, он не самого лучшего качества, да и выглядит здесь совсем неуместно.

Фан Цинчи, словно вспомнив что-то болезненное, в его глазах промелькнула боль.

— Это было вставлено моим отцом, когда наша семья покидала столицу. Он сказал, что это семейная реликвия. Теперь, когда я думаю об этом, это, вероятно, единственное, что осталось у

меня от отца.

Гу Шаобай почувствовал сомнение. Семейная реликвия — и это всего лишь дешёвый камень? Но затем он подумал, что, возможно, у этого камня есть какое-то особое значение. Помнится, в детстве у его соседа, Тяньдани, семейной реликвией был разбитый кувшин. Говорили, что предки Тяньдани когда-то были нищими, и этот кувшин оставили как напоминание о том, чтобы не забывать о трудностях. Этот камень, пусть и не лучшего качества, всё же лучше, чем разбитый кувшин!

Гу Шаобай почувствовал жажду. Чай, который должен был принести Миньюэ, видимо, задерживался. Этот парень всё меньше слушал его приказы.

Только он подумал об этом, как Миньюэ вернулся с подносом чая, поставил его на каменный стол и сказал:

— Молодой господин, утреннее собрание в зале совещаний закончилось, господин вернулся в свою комнату. Он сказал, что скоро уйдёт. Разве вы не хотели поговорить с ним? Идите скорее!

Гу Шаобай встал, поправил одежду и сказал Фан Цинчи:

— Цинчи, я пойду поговорить с отцом, а потом мне нужно встретиться с другом. Ты можешь прогуляться, если хочешь.

Затем он вышел через лунные ворота и направился в покои Гу Цзюньсюаня.

Гу Цзюньсюань сидел в кресле из грушевого дерева, пил чай. Утром он слушал споры своих братьев, которые преследовали свои интересы, и от этого у него разболелась голова, а горло пересохло от попыток их успокоить.

— Отец, — Гу Шаобай вошёл и поклонился.

Гу Цзюньсюань, увидев сына, обрадовался.

— Шаобай, как твоё здоровье?

Гу Шаобай налил отцу чаю и встал за его спиной, чтобы помассировать плечи.

— Всё в порядке, я могу бегать и прыгать!

Гу Цзюньсюань сделал несколько глотков чая, закрыл глаза и почувствовал себя комфортно. Он подумал, что Шаобай вырос. Раньше он никогда так не поступал, а теперь заботится о других.

Гу Шаобай спросил:

— Отец, в последнее время у нас в семье какие-то трудности с бизнесом? Я вижу, что вы и дядя часто хмуритесь.

— Эх, — вздохнул Гу Цзюньсюань. — Всё из-за князя И. Теперь он управляет Министерством финансов, и я хочу сократить некоторые сделки с двором, но твои дяди не согласны... Ладно, Шаобай, тебе это знать бесполезно, я сам разберусь! — он не хотел говорить слишком много, потому что не хотел беспокоить своего любимого сына, да и сам он не до конца понимал, что произошло в том деле о фальшивых лекарствах. Из-за борьбы между князем И и князем Юй пострадала семья Сяо, а на семью Гу наложили опалу.

Гу Шаобай помассировал некоторое время, затем встал перед отцом, опустился на одно колено и положил подбородок на колени Гу Цзюньсюаня. Этот жест был очень нежным, как будто он хотел приласкаться.

Гу Цзюньсюань погладил его гладко причёсанные волосы и улыбнулся, думая, что сын снова увидел что-то дорогое. Он помнил, что в прошлый раз, когда он увидел такое выражение лица, это было из-за древней чернильницы, которая стояла ему целого состояния.

— Шаобай, что ты снова нашёл?

Гу Шаобай покачал головой.

— Отец, давайте вернёмся в Чжанчэн.

Гу Цзюньсюань не сразу понял его.

— Что?

— Отец, наш покровитель, князь Юй, пал. Продажа должностей, создание клик, заговоры — всё это преступления, карающиеся смертью. Более трёх лет назад дело о фальшивых лекарствах привело к аресту господина Сяо, который умер в тюрьме до суда. Его дочь была женой старого князя И, и, услышав о трагедии, она умерла от горя. Полгода спустя старый князь И умер от тоски по жене. Теперь император доверяет князю И, и как только дело князя Юй будет завершено, князь И не оставит нашу семью в покое.

Гу Цзюньсюань нахмурился. Он знал об опасности, но богатство требует риска. Огромное состояние, слава семьи и тайные сделки с влиятельными людьми при дворе — всё это не так просто оставить.

Он всё ещё надеялся и не хотел сдаваться.

— Но дело о фальшивых лекарствах не имеет никакого отношения к нашей семье. Даже князь И должен иметь доказательства...

— Отец... — Гу Шаобай внутренне нервничал, понимая, что он слишком торопится. Сейчас князь И просто закрыл свои двери для всех, и все императорские купцы были отвергнуты. Все переговоры велись через министра финансов Ван Цзяня, и внешне всё выглядело мирно и упорядоченно. Никаких признаков давления на семью Гу не было.

Но он знал, что через несколько месяцев дела семьи Гу резко ухудшатся, и даже те, что останутся, будут полны проблем.

Буря приближается, и ветер уже предвещает её!

Гу Шаобай встал и передал чашку чая Гу Цзюньсюаню.

— Отец, я хочу учиться бизнесу у второго брата.

Рука Гу Цзюньсюаня замерла. В августе, в золотую осень, пройдут трёхлетние «осенние экзамены». Гу Шаобай славился своими талантами, и среди четырёх сословий — чиновников, крестьян, ремесленников и купцов — первое место занимало чиновничество. Он надеялся, что Гу Шаобай сдаст экзамены и прославит семью.

— Шаобай, в бизнесе есть твой второй брат. «Изучай искусства и продавай их императору». Ты

с детства умен, готовься к экзаменам в августе.

Гу Шаобай сказал:

— Отец, я не хочу сдавать «осенние экзамены». Мой старший брат уже стал чиновником и будет подниматься по служебной лестнице. Я стремлюсь к высоким целям и не хочу быть ограниченным двором и лишённым свободы... — какое ещё «продавай императору»? Сейчас главное — спасти жизнь! Кроме того, даже если бы не было этого дела, я бы никогда не продал себя двору. Я, Гу Шаобай, не буду пешкой в играх власти!

Гу Цзюньсюань не сразу ответил, машинально помешивая чай в чашке. Его старший сын, Синьбай, действительно стал уездным начальником, но он был слишком честным и не обладал достаточной хитростью. Он вряд ли быстро поднимется по службе, но сможет стабильно продвигаться. С одной стороны, он не хотел соглашаться, но, глядя на глаза Гу Шаобая, которые так напоминали глаза его матери, он не мог быть строгим. В конце концов, он любил его как драгоценность, и он был самым дорогим для него человеком.

<http://bllate.org/book/16730/1538503>